

Вторник, 5 июля

Российские вести - 1994 - 5 июля - с. 5

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

Поначалу слушатели первых туров конкурса пианистов на Десятом конкурсе имени Чайковского не находили достаточно ярких фигур виртуозов-интерпретаторов, достойных особого внимания и восхищения. Как всегда, выделялась профессиональной вышколенностью «десятка» московских пианистов, не радуя особенными художественными открытиями. Исключение составил, разве, студент Московской консерватории Вадим Руденко (класс С. Доренского), блеснувший уникальной звуковой фактурой, пианизмом «гилельсовской» отточенности - «жемчугом по бархату»... Тщетно искали мы утешений в конкурсных выступлениях иностранных музыкантов. Наше внимание привлекали то французы, среди которых Паскаль Годар выделился вдохновенным Бахом, а Тьерри Юйе тончайшим импрессионистическим почерком в воспроизведении прелюдий Дебюсси; то англичане - создатели своей «звуковой магии» в романтических этюдах Листа и своей трогательной интонации в прочтении Чайковского (всех поразила Большая соната Чайковского в исполнении Роберта Маркхэма). Группа пианистов стран Азии, учившихся в большинстве своем в западноевропейских и американских школах, представила достаточно высокий уровень современной виртуозности, но явно сниженную «планку» художественно-стилевых качеств исполнения.

Скромными фаворитами пианистического турнира становились и Маркус Гро (Германия) с его едва ли не лучшей на конкурсе «Осенней песней» Чайковского и академически безупречной Сонатой Бетховена № 31 ля-бемоль мажор; и Юрий Кот (Украина), «спевший» не заигранный на конкурсах этюд Шопена ми-бемоль мажор (соч. 10), словно вдохновенную песню гондольера; и этот загадочный, аполлинического вида москвич Николай Луганский (студент покойной Татьяны Николаевой), то сверкавший одухотворенным Листом и Бетховеном, то мучивший суховато-прозаичными Скрябиным и Прокофьевым...

Не раз вспоминались неосторожные слова Игоря Стравинского о том, что «рояль - ударный инструмент», когда звучала не только «Кампанелла» Листа, но и... «Масленница» Чайковского, которую в бешеном, эдаком ухарском темпе играла американская пианистка Хелен Сим. Иной раз так и хотелось крикнуть во всеулышанье: «Что вы делаете с темпами, господа виртуозы? Неужто играть быстрее всех и громче всех есть цель и мерило конкурсной доблести?» Этих искушений не избежали даже лучшие. Так, француз Тьерри Юйе буквально оглушил нещадной урбанизацией музыки Рахманинова, словно пропустив ее сквозь адскую

машину транскосмических темпов.

И вдруг на конкурсе забрезжил прозрачный свет: явился «блаженный гений» Игорь Каменц, наш соотечественник из Германии, знакомый нам по скандальной истории «отторжения» его на прошлом, Девятом конкурсе. И хотя он сразу провалился на первом «подтуре»

вена. И все же это была гениальная концепция ре минорной Сонаты № 17 - единственная, по существу, выдающаяся интерпретация Бетховена на конкурсе.

Но не суждено было меломанам услышать игру Каменца во втором туре: Игорь покинул конкурс, предпочтя ему

времена Вана Клиберна и Джона Огдона, Григория Соколова и Андрея Гаврилова, Джона Лилла и Михаила Плетнева. И с тех самых дальних «клиберновских» времен повелось: чаще всего будущий триумфатор избирает два великих концерта для фортепиано - Первый Чайковского си-бемоль минор

сцену вышел Николай Луганский. Мы ждали в лучшем случае академически корректной и профессионально крепкой игры с блесками концертной виртуозности (а la «Блуждающие огни» Листа, идеально звучавшие в первом туре). А получили - «солнечный удар», музыкальное потрясение (не любовное, как у Бунина!) Никто и представить не мог, что душа этого сдержанного, аскетической (но и поэтической!) внешности юноши содержит в себе подобный ВУЛКАН. То ли он копил и сдерживал этот вулкан на предыдущих турах, то ли именно с оркестром вдруг обрел высшую свободу (для юного музыканта, студента IV курса - случай редчайший!), только это было настоящее конкурсное, на вершине страсти и азарта исполнение. Вдохновение и точный волевой расчет. Думаю, такой идеальный и в то же время блестящий, поразительный по свежести красок и виртуозной экспрессии Концерт Чайковского не звучал на нашем конкурсе никогда (даже у Вана Клиберна, с его склонностью к эпически-замедленным темпам, он выглядел скромнее). Игру Луганского хотелось сравнивать лишь с гилельсовской по его известной ранней записи Концерта Чайковского, сделанной еще в... 1940 году.

Да, было все продумано, отделано, отполировано до блеска в этой фортепианной игре, где чувствовался огромный труд и профессора Московской консерватории Сергея Доренского, готовившего Николая к конкурсу. Изумительная звуковая культура. Ликование «резвящегося» виртуоза, что есть, по определению Александра Серова, - дело святое, «высшее художество». Но главное было то, что следует и из пушкинского понимания вдохновения как живейшего восприятия впечатлений и «соображений оных».

Исполнение Николаем Луганским Третьего концерта Рахманинова лишь подтвердило высокие художественно-исполнительские качества конкурсанта, его готовность к концертной деятельности. Казалось, нет границ его мелодическому «красноречию», «пению» его аккордовых кульминаций, гибкому и сверкающему драгоценными фортепианными красками (он играл на рояле фирмы «Каваия») потоку лирико-патетических рахманиновских открытий. Здесь к месту были и сверхтемы, и сверхзвучности, ибо все подчинено было высшим художественным целям. И... видно сам Господь Бог послал сие откровение и высшие силы молодому музыканту, а нам - счастье открытия.

P.S. Объявляя результаты, председатель жюри конкурса пианистов Лев Власенко, не скрывая своего огорчения, сообщил, что первая премия не присуждена никому, а вторая вручена Николаю Луганскому.

НОВЫЕ ИМЕНА

Портрет в интерьере конкурса

Фото Эдуарда Левина.

Издавна повелось: конкурс пианистов на турнире музыкантов-исполнителей в Москве - главное звено в цепи событий и страстей, составляющих неповторимый лик конкурса. Это естественно, ибо всему миру известно: Россия - родина пианизма. Сначала были братья Рубинштейны. Затем Рахманинов. Из этого горнила было выплавлено великое пианистическое искусство XX столетия. Ибо и Гофман (бывший единственным «частным» учеником Антона Рубинштейна), и Горовиц (считавший себя «внуком» Антона Рубинштейна), и наши современники - Гилельс, Рихтер, и зачинатель славы Конкурса имени Чайковского Ван Клиберн и его талантливые «наследники» вплоть до Плетнева должны быть причислены к одному удивительному явлению музыкальной цивилизации, имя которому - «русская школа фортепианного искусства».

нашего конкурса, в запасе у него оставался еще один шанс - выход второй в первом же туре. Аудитория жаждала своего героя. Переполненный, наэлектризованный до предела Большой зал замер в предвкушении то ли триумфа, то ли трагедии... И он явился в своей будничной зеленой рубашке, чтобы сотворить действительно свою музыку, вымоленную у клавиш и струн влюбленного инструмента, чтобы, укрывшись под «стеклянный колпак» своего извечного публичного одиночества, выговорить сокровенное. Глуховатый, легкий звук («под колпаком»!). Суровость схимника. Отрешенность. Неотступный ритм. Точно в обнимку со... скелетом Бетхо-

некую «выгодную» гастроль. Говорят, он улетал со слезами... Но так или иначе, герой исчез как мираж, и теперь, по-видимому, уже навсегда для Конкурса Чайковского. Публика приуныла, мало надеясь на новое чудо.

Но как свидетельствует вся история конкурсов Чайковского, чудеса часто происходят именно в самом финале, когда вдруг - в симфоническом убранстве роскошной музыки концертов Чайковского, Рахманинова, Листа, Брамса, Бетховена - восходит к своему триумфу личность нового ПИАНИСТА, творца и виртуоза новой формации, заявляющего о своем высоком праве на титул золотого призера. Так было во

и Третий Рахманинова ре минор. Если уж фортуна угодно будет и ты одолеешь эту титаническую эмоционально-виртуозную высоту, то и - finita! - никто не в силах будет это повторить, тебя «переиграть». С такой программой в третьем туре выступали четыре финалиста: Александр Штаркман (Россия), Роберт Маркхэм (Англия), Николай Луганский (Россия), Вадим Руденко (Россия). Конкуренция предстояла самая напряженная.

Но чудо свершилось уже на второй день третьего тура. После катастрофически неудачного выступления англичанина, в игре которого ошибки и неточности следовали одна за другой, на